

В. Н. Колемасов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

В настоящее время, наряду с экономическими и социальными проблемами, существуют достаточно сложные вопросы, связанные с организацией охраны общественного порядка и борьбой с преступностью.

В последние годы в этой области произошли определенные позитивные изменения, обозначились тенденции по улучшению деятельности правоохранительных и судебных органов, законодательства в соответствии с общепринятыми в цивилизованном мире нормами права. В данных условиях очень важно сохранить положительный опыт, накопленный в советский период, тщательно и всесторонне изучить его с позиции сегодняшних реалий и не повторять ошибок прошлого.

Первая половина 1930-х гг. стала переходным периодом от либерального отношения к уголовным преступникам к жестким репрессивным мерам за совершение преступлений.

Причинами изменения советской уголовно-правовой политики стали, во-первых, некоторая переоценка взглядов на природу преступности, а во-вторых, взятый на модернизацию страны курс.

В первые годы советской власти в основу борьбы с преступностью были положены принципы целесообразности, революционного правосознания и классовый подход при назначении наказания.

Оценивая нормотворческую деятельность государства в сфере борьбы с уголовной преступностью на первом этапе советской власти, следует отметить,

что первые законодательные акты принимались большевиками с целью привлечения в свои ряды основных слоев населения – солдат, крестьян, рабочих, национальных меньшинств и т.д. Новое уголовное право должно было основываться на принципе целесообразности, который противопоставлялся принципу законности. Изданные 12 декабря 1919 г. в качестве постановления Народного комиссариата юстиции (НКЮ) «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» [1] содержали только общие положения, а Особенная часть в них была вообще не разработана. Работники правоохранительных органов сами, руководствуясь революционным правосознанием, определяли, является деяние преступным или нет.

Суды и революционные трибуналы получили определенную свободу в определении меры наказания. Но при этом они должны были учитывать степень и характер опасности для общества самого преступника и совершенного им деяния. Таким образом, классовый признак являлся определяющим для увеличения или уменьшения меры наказания.

Создав достаточно сильную вертикаль власти, в том числе и специальный орган надзора за законностью, большевики вынуждены были изменить и основные принципы охраны правопорядка. Для того чтобы эффективно управлять страной, необходимо было добиться соблюдения всеми членами общества единых правовых норм, а сделать это, руководствуясь принципом «революционного правосознания», было невозможно. Взяв на вооружение принцип социалистической законности, государству следовало создать новую, четкую правовую систему.

26 мая 1922 г. на сессии ВЦИК был принят Уголовный кодекс РСФСР и введен в действие с 1 июня [2]. УК состоял из введения и двух частей: Общей и Особенной. Особенная часть состояла из восьми глав, в которых были систематизированы преступления по видам их общественной опасности и значимости борьбы с ними для государства. Государственным преступлениям в кодексе отводилась первая глава. Вторая, третья и четвертая главы включали составы, так или иначе охранявшие порядок функционирования государственных органов власти и управления. А преступлениям против личности отводилась только лишь пятая глава, и логично будет предположить, что расположение видов преступлений в кодексе происходило в зависимости от важности борьбы с ними. Таким образом, в Уголовном кодексе 1922 г. зародилась тенденция первичности государственных интересов над личными, что в дальнейшем законотворчестве (в частности, в УК 1926 г.) получило более глубокое развитие.

Кодекс 1922 г. был первой и не совсем удачной попыткой создания базы уголовного законодательства в Советском государстве, о чем говорит факт внесения в него изменений на всем протяжении его действия. В ноябре 1926 г. была принята новая редакция УК РСФСР [3].

По сравнению с предыдущей редакцией в нем были детализированы отдельные положения Общей части. В структуре Особенной части произошли следующие

изменения: разделы первой главы Особенной части УК РСФСР 1922 г. «Контрреволюционные преступления» и «Преступления против порядка управления» были выделены в самостоятельные главы. Исключена глава «Воинские преступления», ответственность за воинские преступления устанавливалась статьями главы 2 «Преступления против порядка управления».

Идеологическая обусловленность уголовной политики Советского государства, логика усиления классовой борьбы по мере углубления социалистических преобразований в период реконструкции промышленности и сельского хозяйства находили свое конкретное воплощение в детальной разработке советскими юристами именно государственных преступлений, особо опасными в общей массе считались преступления контрреволюционные. Соответственно, изменилась и структура главы первой Особенной части, которая стала включать в себя восемнадцать статей, обозначенных № 58 с индексом от 1 до 18. Фактически все составы первого раздела главы «Государственные преступления» вошли в новую главу, но под другой нумерацией.

По всей видимости, это носило идеологическую направленность, так было проще и эффективнее выделить в сознании масс врагов народа. Постепенно статья 58-я УК РСФСР стала ассоциироваться с антинародной, антигосударственной деятельностью.

Несмотря на то что многие ученые называют Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. самым жестким, необходимо отметить, что ужесточение санкций произошло только за государственные преступления. В целом же число составов, предусматривавших высшую меру наказания, сократилось с 22 до 16 и квалифицированных составов с 16 до 11. За большинство статей особенной части УК максимальное наказание не превышало пяти лет лишения свободы. Увеличилось число составов, предусматривавших наказание в виде принудительных работ, с 37 до 56, предусматривавших штраф, – с 4 до 11. Кроме того, ряд составов предусматривал возможность применения в качестве уголовного наказания дисциплинарных взысканий (ст. 112 ч. 3, ст. 120 ч. 2), административных взысканий (ст. 61 (2) ч. 1, ст. 82 ч. 2).

В то время бытовало мнение, что пролетарий (в отличие от классовых врагов), движимый революционным сознанием, способен в короткие сроки осознать содеянное и стать на путь перевоспитания. Поэтому считалось, что длительное наказание никакой пользы государству не дает, а лишь усугубляет положение осужденного. К тому же необходимо отметить, 72,9 % от всех заключенных в РСФСР приходилось на крестьян и рабочих [4].

Как следствие такой политики, число осужденных на срок до шести месяцев в 1926 г. составляло около 30 % от общего числа всех осужденных.

Около 20 % выпадало на долю приговоренных к принудительным работам и около 10 % – осужденных к штрафу [5].

Всплеск уголовных преступлений в годы НЭПа показал советскому руководству недостаточность применяемых карательных мер. В 1920-е гг. наблюдается рост числа бандитских нападений, имущественных и экономических преступлений. Руководство страны стало воспринимать деятельность криминального мира как такую же серьезную угрозу советской власти, как и контрреволюционные выступления. Начинает доминировать взгляд на уголовника-профессионала как на деклассированного элемента, люмпен-пролетария, чья деятельность угрожает задачам построения социализма. Поэтому от исправительных мер государство довольно быстро переходит к карательным.

В 1925–1926 гг. начинает формироваться система «режимных территорий» – местностей, где запрещено проживание ранее судимых.

В 1927 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) получило возможность во внесудебном порядке карать лиц, имеющих три и более судимости за хулиганство, в 1928 г. – конокрадов, бродяг, нищих и хулиганов в промышленных центрах [6].

В конце 1931 г., в результате реформы органов внутренних дел, подразделения милиции были переданы в ведение ОГПУ, в составе ОГПУ СССР была создана Главная инспекция, а в республиканских, краевых и областных ОГПУ – особые инспекции по милиции и уголовному розыску. В декабре 1932 г. при Объединенном государственном политическом управлении СССР образовано Главное управление Рабоче-Крестьянской милиции (РКМ).

Положительной стороной реорганизации системы органов внутренних дел стало финансирование ее деятельности из государственного бюджета, создание новых структурных подразделений и увеличение численности милиции.

Так, на 1 января 1931 г. в милиции состояло 86,7 тыс. чел., а на 1 января 1932 г. – уже 177,3 тыс. чел. [7].

На увеличение штатов милиции оказали влияние два фактора: во-первых, привлечение милиции к выполнению задач политического характера; во-вторых, резкий всплеск уголовной преступности, связанный с массовым бегством крестьян в города от насильственной коллективизации и сильным голодом 1932–1933 гг.

В результате подчинения милиции ОГПУ повысился контроль за состоянием законности и служебной дисциплины, улучшилось взаимодействие милиции и органов госбезопасности. Например, из органов милиции Средне-Волжского края (СВК) только за девять месяцев 1933 г. было уволено и предано суду около 100 человек. Основными причинами увольнения были связь с преступными элементами, пьянство и должностные преступления [8].

В подразделениях милиции края слабо была организована учетно-регистрационная работа. Так, в Приказе Управления НКВД СССР по СВК № 020 от 19.10.1934 г. отмечались недостатки учета уголовных преступлений и происшествий. «Так по Самарской городской милиции: из поступивших за период июнь–август заявлений большинство не взято на учет и в суточных сводках не отражено (по 1-му отделению из поступивших 633 заявлений в сводках не отражено 423, по 2 отделению из поступивших 1361 не отражено 1053, по 3 отделению из поступивших 398 не отражено 175). В Пензенском и Ульяновском межрайонных отделениях милиции книги происшествий вообще не ведутся. Приказано во всех отделениях милиции немедленно завести специальные книги, в которые должны записываться все уголовные происшествия» [9].

Несомненно, наведение порядка в регистрации преступлений позволило получать более объективную информацию о состоянии оперативной обстановки, осуществлять ее анализ и вырабатывать более эффективные управленческие решения по борьбе с преступностью.

Принимаемые меры позволили в определенной степени активизировать борьбу с преступностью. Так, на территории Средне-Волжского края в 1933 г. было ликвидировано 117 банд из 173 зарегистрированных, задержано 663 участника [10]. Только в июне 1933 г. по Пензенскому оперативному сектору ОГПУ было ликвидировано 35 бандитских шак с числом участников 189 человек, задержано 36 преступников, которые действовали отдельно, изъято 29 единиц оружия [11]. В конце года на основе анализа проделанной работы на места был направлен циркуляр Управления РКМ СВК № 84/СС от 17.12.1933 г. с указанием активизировать работу по ликвидации банд и принять меры:

«— ...к учету всех скрывшихся и остающихся незадержанными участников, частично ликвидированных и продолжающих оперировать бандгрупп, списки которых с полными установленными данными представить в оперотдел КРУМ; — немедленно приступить к агентурной разработке семей, родственников и знакомых скрывшихся участников банд, с целью установления настоящего их местопребывания и последующего задержания.

— Представить в оперотдел КРУМ списки наличия специального осведомления, работающего по бандитизму, указав фамилии, имена, отчества, клички, характеристики и время вербовки.

— Усилить повседневное агентурное наблюдение за появлением беглых кулаков и сбежавших из мест заключения, и в случаях их появления, немедленно производить изъятие таковых...

О каждом случае появления бандгрупп в порядке циркуляра КРУМ от 07.11.1933 г. немедленно подробно доносить в управление, указывая характеристику банды, район ее оперирования, численный состав, фамилии, имена, отчества и социальный состав участников, вооружение, средства передвижения и характеристику завербованного по ней специального осведомления, персонально с указанием кличек. В последующем до полной ликвидации, не реже одного раза в декаду, доносить о ходе предпринимаемых

агентурно-оперативных мероприятий по ликвидации данной банды, прилагая копии поступающего по ней агентурного материала» [12].

В результате проделанной работы в 1934 г. удельный вес бандитизма и вооруженных грабежей к общему количеству преступлений в Куйбышевском (Средне-Волжском) крае составил всего 0,3 %, бытовых убийств – 0,6 % [13].

Следует отметить, что, к сожалению, работа по многим направлениям борьбы с уголовной преступностью носила характер «кампанейщины», например исполнение так называемого Закона от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Во все суды РСФСР во исполнение постановления Политбюро от 13.09.1932 г. по применению указанного закона была направлена инструкция и дана форма отчетности о числе осужденных для направления в НКЮ не позже 5 и 20 числа каждого месяца.

С 15 по 30 сентября 1932 г. по делам о хищении общественной (социалистической) собственности судами РСФСР было осуждено: к высшей мере наказания 437 человек, к 10 годам лишения свободы – 2362, к прочим мерам – 9798 [14].

В первом полугодии 1933 г. в РСФСР было осуждено за хищения общественной и государственной собственности к лишению свободы 69523 человека, во втором уже – 33865, и это число последовательно снижалось, а во втором полугодии 1935 г. этот показатель составлял только 4671 [15].

Одной из причин принятия указанного закона стало увеличение числа краж государственного и общественного имущества. Рост краж произошел в результате резкого увеличения доли общественного имущества в сельской местности, в результате создания колхозов и практически не действующей превентивной функции уголовного наказания. За мелкие кражи назначались в основном наказания, не связанные с лишением свободы. Например, в марте 1933 г. к уголовной ответственности как социально-вредный элемент (СВЭ) судебной тройки при Управлении НКВД СВК по Пензенскому межрайонному отделению РКМ привлекался ранее неоднократно судимый Б. А. Дмитриев. Ранее в Ленинграде в первом квартале 1930 г. он три раза осуждался за имущественные преступления к наказанию в виде исправительно-трудовых работ, причем дважды не отбыв еще предыдущее наказание [16].

Всего в Куйбышевском крае за 1934 г. были задержаны как социально-вредные элементы 5729 человек. Из них осуждены к высшей мере социальной защиты 39 человек, направлены в концлагерь 4399, к другим мерам социальной защиты – 429 [17].

Следует отметить, что в этот период наблюдалось отступление от принципа категоризации преступлений и дифференциации ответственности:

посягательства на государственную собственность преследовались без учета величины ущерба. Преступления против государственной собственности, против представителей власти карались несопоставимо строже, чем преступления против жизни и здоровья граждан. За хищение социалистической собственности суд мог приговорить к расстрелу, а за умышленное убийство – только к 10 годам лишения свободы.

Можно сделать вывод, что непродуманная, излишне мягкая карательная политика за общеуголовные преступления, проводимая по классовому принципу в 1920-е гг., в сочетании со сложной экономической ситуацией в стране послужила поводом к проведению уголовных репрессий в 1930-е гг.

Государство проводило политику «сдержек и противовесов», наделяя органы государственной безопасности практически неограниченными полномочиями, а милицию использовала как вспомогательный аппарат в обеспечении внутренней безопасности государства.

Первая половина 30-х гг. XX в. стала своеобразным подготовительным этапом к концентрации власти в руках той группировки, которая постепенно пришла к победе. Репрессивные органы стали важнейшими звеньями устанавливающего режима.

Список литературы

- 1. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. – М., 1953. – С. 57–61.*
- 2. Уголовный кодекс РСФСР. – М. : НКЮ РСФСР, 1922.*
- 3. Уголовный кодекс РСФСР. – М. : НКЮ РСФСР, 1926.*
- 4. Проблемы преступности : сб. – Вып. 1. – М ; Л., 1926. – С. 33.*
- 5. Утевский, Б. Рецидив и профессиональная преступность / Б. Утевский // Проблемы преступности НКВД. – Вып. 3. – М., 1928. – С. 101.*
- 6. Малыгин, А. Я. Правоохранительная система периода проведения новой экономической политики / А. Я. Малыгин // Проблемы развития правоохранительных органов. – М., 1994. – С. 61–63.*
- 7. Курицын, В. М. История государства и права России 1929–1940 гг. / В. М Курицын. – М., 1998. – С. 96.*
- 8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-981. Оп. 1. Д. 47. Л. 9.*
- 9. ГАПО. Д. 53. Л. 267, 268.*
- 10. ГАПО. Д. 49. Л. 1.*
- 11. ГАПО. Д. 35. Л. 78.*
- 12. ГАПО. Д. 49. Л. 3.*
- 13. ГАПО. Д. 53. Л. 115—118.*
- 14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9474. Оп. 16. Д. 23. Л. 6.*
- 15. ГАРФ. Д. 79. Л. 5.*
- 16. 16 ГАПО. Ф. р-981. Оп. 1. Д. 54. Л. 32—151.*
- 17. ГАПО. Д. 53. Л. 113.*